

НЕТ НА РУСИ ПОКОЯ...

1

Б

есконечно долго тянутся дни заключения.

За эти томительные дни Вадим передумал о многом. Чаще всего его мысли возвращались к отцу. Вадим совсем не помнил отца, но столько слышал о нем. Отец его, Папий Подбельский, был человек замечательный. Об этом говорят все знавшие его. Он был смелым, мужественным, и очень добрым, и удивительно разносторонним человеком: и философией занимался, и обладал блестящими ораторскими способностями, и стихи писал.

Вадим должен быть достоин отца. Как и отец, он будет бороться против произвола и насилия, за свободу и счастье народа. Кажется, он действует прavильно — властям не понравилось его выступление. И вот он в участке.

Известие о расстреле в Петербурге мирного шествия рабочих, направлявшихся к царю, донеслось и до Тамбовской губернии. И здесь, как и повсюду, известие это вызвало гнев и возмущение. 17 января забастовали рабочие заводов Петтера и Махова в Тамбове, фабрики Асеевых в Рассказове. Через несколько дней к ним примкнули рабочие всех суконных фабрик Рассказова. Бастовали рабочие депо в Сасове, те-

леграфисты в Сасове, Рассказове, Грязях. Начались выступления крестьян: поджоги имений, захват земли. Заволновалась и учащаяся молодежь.

В середине февраля на демонстрацию вышли гимназисты Елатьмы. Они настаивали на увольнении учителя, установившего за ними слежку. Для усмирения гимназистов пришлось даже вызвать полицию.

Сигнал был дан.

В конце марта прекратили занятия учащиеся тамбовского Екатерининского учительского института. Они требовали отделения церкви от школы, невмешательства учебного начальства в религиозные воззрения воспитанников, доступа в институты лицам всех вероисповеданий, привлечения студенческих делегаций к участию в педагогических советах, свободы собраний и кружков, неприкословенности корреспонденций и квартир, разрешения организации товарищеского суда. Но, помимо этого, студенты поддержали требования рабочих о немедленном созыве Учредительного собрания для рассмотрения нужд не только рабочих, но и студенчества.

В тот же день были заключены в тюрьму пятьдесят зачинщиков протеста. Весть об этом быстро проникла в учебные заведения города. Взбунтовались гимназисты и семинаристы.

На уроке «закона божия» протоиерей Бельский пригрозил ученикам отчислением из гимназии за непосещение церкви. Поднялся Вадим Подбельский.

— И это вы называете свободой?..

Гимназисты зашумели:

— Почему за нами шпионят?

— Где же свобода, если нам запрещают собираться?

Законоучитель побежал за начальством, а гимназисты, повскакав с мест, столпились у кафедры. Вадим взобрался на скамью.

— Товарищи! — начал он. — Давайте действовать организованно. Мы не станем заниматься, пока не будут удовлетворены наши требования.

— Забастовка! — послышались со всех сторон возбужденные голоса.

— Друзья, — продолжал Вадим Подбельский, — вы знаете, что вчера начали забастовку наши старшие товарищи — воспитанники учительского института. Так поддержим же их, поднимем и мы свой голос протеста против произвола. А сейчас разойдемся. Не поддадимся никаким провокациям. Давайте лучше соберемся вечером и пойдем к городской управе.

Стихийно возникший митинг кончился. Гимназисты разошлись.

А вечером почти все гимназисты старших классов, многие семинаристы и студенты учительского института пошли к городской управе. Тихий вечерний город огласился возбужденными молодыми голосами. Проходя мимо тюрьмы, где были заключены арестованные накануне студенты Екатерининского учительского института, демонстранты запели:

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно...

Песни, сменяя одна другую, звучали на улицах города.

• Но настанет пора — и проснется народ,
Разогнёт он могучую спину.
И на бар и царя, на попов и господ
Он отыщет покрепче дубину...

Поднятые песней, к демонстрации присоединились новые группы молодежи. Когда колонна подошла к городской управе, Вадим, шедший во главе ее, крикнул:

— Долой самодержавие! Да здравствует свобода!
Кто-то разбросал несколько прокламаций.

Подоспевшая полиция разогнала демонстрантов.

Ночью в квартирах многих гимназистов, семинаристов и студентов учительского института начались обыски. Нагрянула полиция и в квартиру Подбельских-Белоцветовых. Рылись в комнате Юрия и Вадима, в кабинете отчима Гавриила Васильевича Белоцветова и даже в комнате девочек.

Потом Вадима увели в полицию.

А как все началось у отца? Как он попал в ссылку? Вадим пробовал представить себе тот годичный акт в Петербургском университете, когда Папий Подбельский с товарищами из центрального университетского кружка «Народной воли» выступил с протестом¹. В разгаре торжественный акт. Только что закончил читать годовой отчет профессор Градовский. Уже взошел на кафедру профессор Мартенс... И вдруг с хоров прозвучало:

— Из отчета ясно: единодушные требования всех университетов оставлены без внимания... Нас хотят подавить не только насилием, но и хитростью... Но мы понимаем лживую политику правительства; ему не удастся остановить движение русской мысли обманом. Мы не позволим издеваться над собой: лживый и подлый Сабуров найдет в рядах интеллигенции своего мстителя!..

Это говорит друг Папия — Лев Коган-Бернштейн, тоже первокурсник-юрист.

В зале шум, переполох. Только ясно и отчетливо слышны отдельные выкрики:

- Тише!..
- Слушай!..
- Молчать!..

Пользуясь суматохой, быстро подходит к креслу министра Папий Подбельский. Миг — и крепкой рукой Папий дает затрещину министру Сабурову... С хоров в это время в зал летят прокламации. Любопытные ловят их на ходу и читают. Шум в зале усиливается. Такого еще университет не знал за всю свою многолетнюю историю.

Участников протesta сослали в далекую Якутию.

¹ Министр просвещения Сабуров в ответ на протесты учащихся обещал изменить правовое положение студентов, предоставить им право собраний, объединения в кассы взаимопомощи, свободного выбора литературы для чтения и т. д. Обещание свое Сабуров не выполнил. В ответ на это центральный студенческий кружок «Народной воли» при Петербургском университете 7 февраля 1880 года организовал протест.

Смутно вспоминает Вадим и годы скитаний по ссылке. Ему не было и двух лет, когда жандармы убили отца. Это случилось 22 марта 1889 года.

До шести лет Вадим жил с семьей в холодной, суровой Якутии среди политических ссыльных. Его окружали смелые, стойкие люди, готовые до последнего дыхания отстаивать свои убеждения, свои идеи. Его мать, Екатерина Петровна Сарапович, — народоволка, осужденная на каторгу за участие в организации побега политзаключенных из Киевской и Харьковской тюрем. Здесь, в Якутии, она и вышла замуж за Папия Подбельского. Здесь в 1887 году родился Вадим. Он был третьим ребенком в семье Подбельских. После гибели Папия Павловича детей усыновил его брат Николай Павлович. В Якутске к Екатерине Петровне, оставшейся после гибели мужа с тремя детьми на руках, часто заходил ссыльный народоволец Гавриил Васильевич Белоцветов. Он очень привязался к Екатерине Петровне, которую не сломили годы изнурительных каторжных работ, к ее малышам и вскоре вошел в семью.

В 1900 году семья Подбельских-Белоцветовых переехала в Тамбов, и мальчики поступили в гимназию: старший, Юрий, — в третий класс, Вадим — во второй. Дети хорошо учились, жизнь шла спокойно. Неприятности начались с пятого класса гимназии, когда юноши увлеклись политикой.

В первое время братья с одинаковым увлечением тайно от взрослых и товарищей читали книги Маркса, Энгельса, Вильгельма Либкнехта, Петра Лаврова, Ленина, Плеханова. Но постепенно взгляды Вадима и Юрия стали расходиться. Вадим все больше и больше замечал, что во взглядах старшего брата нет никакой последовательности: он пытается совместить несовместимое — марксизм с народничеством, его привлекает индивидуальный террор как метод борьбы с самодержавием. Вадима же все сильнее и сильнее притягивала марксистская теория классовой борьбы.

Нередко на почве политических разногласий между братьями бывали серьезные стычки. Однако кончались они довольно мирно. Братья любили друг друга и считали, что они вполне созрели для того, чтобы каждый мог самостоятельно избрать путь в жизни.

Мать не могла не замечать, что Юрий и Вадим ночи напролет сидят за книгами, что они где-то подолгу пропадают. Но что она могла поделать со своими мальчиками — они уже достаточно повзрослели, а интерес к политике, должно быть, передался им по наследству...

Каждый раз, когда Юрий и Вадим старались незаметно исчезнуть из дома, мать всегда почему-то оказывалась тут как тут. Она целовала их и с тревогой говорила:

— Только осторожно, дети... Умоляю вас...

Эти слова, взволнованный голос матери слышал Вадим и в камере, как будто бы мама была здесь, рядом. Но Вадим уже не мог отказаться от раз избранного пути.

Он вспоминал первую тайную сходку, на которую его привели. Вспоминал, с каким вниманием он слушал ораторов, пытаясь разобраться в разноголосице мнений. Потом было много сходок, много собраний. Часто на них выступал и Вадим, горячо отстаивая свои убеждения, яростно нападая на противников.

Споры на сходках и тайных собраниях молодежи возникали жаркие, так как собирались вместе социал-демократы и эсеры, рабочие, студенты и гимназисты, представители местной интеллигенции и ремесленники. Вадима Подбельского хорошо узнала революционно настроенная молодежь Тамбова. Когда летом 1904 года пришлось выбирать делегата на съезд учащихся в Москву, его кандидатура не вызвала сомнений.

А в каком приподнятом настроении вернулся Вадим из Москвы! Съезд показал ему, что по всей России поднялись учащиеся на борьбу за свободу, за свои права. Он с воодушевлением рассказывал землякам о решениях съезда. А зимой на каникулах

съездил в Саратов и там встречался со студентами и гимназистами, рассказывая им о решениях съезда.

Потом опять Тамбов. Гимназия, сходки, тайные собрания, разговоры о потерях русской армии на Дальнем Востоке, о проклятой войне, унесшей тысячи жизней. Бессонные ночи над книгами, споры с Юрием о будущей революции. Так прошел 1904 год.

Первый арест... Бесконечно тянется время.

Прямых улик для обвинения Вадима Подбельского в антиправительственной деятельности не оказалось. И его выпустили, продержав неделю в участке.

2

На ближайшей сходке железнодорожников Вадима окликнула прибывшая из Москвы Лидия Осипова¹, с которой он познакомился еще в прошлом году.

— Так что ж, Вадим, боевое крещение выдержали? Молодчина! Вас можно считать большевиком. Сегодня же и окрестим.

Вадиму дали адрес явки. И в тот же вечер на собрании тамбовских большевиков Вадим Подбельский был принят в члены социал-демократической партии.

В полночь, возвратившись домой, возбужденный и радостный, он сел за работу: надо было по заданию партии написать листовку-воззвание.

— Как ты думаешь, Юра, — обратился Вадим к брату, — так хорошо будет звучать? — И он негромко, чтобы не разбудить мать, начал читать обращение большевистской организации к рабочим: — «Устраивайте собрания, товарищи, заявляйте на них свою солидарность с петербургскими товарищами.

¹ Партийная кличка Розалии Самойловны Землячки, профессиональной революционерки, в 1905 году — секретаря Московского комитета РСДРП, который осуществлял руководство и тамбовской организацией.

Будьте готовы встретить славную смерть за великое дело освобождения. Революция стучится в дверь, ее голос велик и прекрасен, она требует жертв, она несет с собой политическую свободу поднимающемуся из порабощения народу...»

Завтра на квартире учителя Михаила Павловича Рассказовского, где собирается большевистская группа, прокламацию обсудят. Потом ее отпечатают на гектографе и товарищи распространят среди жителей губернии. Условлено, что за прокламацией должен будет приехать учитель из села Пересыпкино. Пересыпкинский учитель — надежный товарищ. Он сам смастерили гектограф и сам печатает на нем.

С этого дня Вадиму приходилось довольно часто по поручению организации писать листовки.

Их писали по различным поводам. В одном случае большевики разъясняли крестьянам, что реформа 1861 года не только их не раскрепостила, но, наоборот, еще больше закабалила и что поэтому единственный путь освобождения от кабалы — это революция. В другом случае требовалось осудить пагубную политику социалистов-революционеров, прибегающих к тактике индивидуального террора.

И каждый раз Вадим с воодушевлением принимался за работу. Его окрыляло доверие старших товарищей, поручавших ему такое ответственное дело.

3

Осенью 1905 года поднялась вся Россия. Начавшаяся 6 октября в Москве по призыву комитета РСДРП всеобщая политическая стачка превратилась во всероссийскую. Бастовало более двух миллионов человек. Встали фабрики и заводы, остановилось движение на многих железных дорогах, прекратили работу почтово-телеграфные учреждения.

«Могучая рука пролетариата, — писал Владимир Ильич Ленин в газете «Пролетарий», — поднявшее

гося в порыве геройской солидарности во всех концах России, остановила всю промышленную, торговую и государственную жизнь. Страна замерла перед бурей».

Владимир Ильич призывал партию расширять революцию, завоевывать крестьянство на сторону рабочего класса, не идти на компромисс с царизмом, а бороться за его свержение.

Царь вынужден был издать так называемый манифест 17 октября и обещать народу «гражданские свободы». Но маневр не помог. Революционное движение в стране продолжало нарастать.

В Тамбов дошли слухи о восстаниях в армии и флоте, о создании первых Советов рабочих депутатов, о революционных выступлениях крестьян.

Тамбовский губернатор фон дер Лауниц в тревоге. Как справиться со смутой, которая охватила всю губернию? Как выловить всех бунтовщиков?

Губернатор рассчитывал на магическую силу «высочайшего манифеста» 17 октября. Но в городах и селах, видимо, не верят манифесту — должно быть, большевистские агитаторы всюду поработали. Недаром Шацкий, земский начальник, просит прислать войска для усмирения крестьян села Петрова, которые рубят помещичий лес и наотрез отказываются прийти на сходку, чтобы выслушать разъяснения по поводу манифеста.

Только за два дня — 28 и 29 октября — в уездах было сожжено и разгромлено тринадцать помещичьих усадеб. По распоряжению министра внутренних дел Дурново 30 октября Тамбовская губерния объявлена на положении усиленной охраны. Но и это не помогло. Революционные выступления в городах и селах продолжались.

Восьмого декабря состоялся большой митинг железнодорожников Тамбовского узла. Участники его выдвинули требования: созыв Учредительного собрания, свобода слова и печати, свобода стачек и союзов.

Фон дер Лауниц окончательно растерян. В этой проклятой, неспокойной губернии можно в конце концов головы лишиться.

Как в калейдоскопе, перед ним мелькают события этого ужасного года. 19 января в Одессе был ранен полицмейстер Головин, 4 февраля в Москве убит великий князь Сергей Александрович, 21 февраля в Белостоке убит исправник Ельчин, 31 марта в Одессе ранен пристав Ольшевский, 24 апреля на Волыни убит пристав Куятов, а четырьмя днями позже в Нижнем Новгороде — начальник охранного отделения жандармский ротмистр Грешнер, 3 мая в Уфе — губернатор Соколовский. И так каждый месяц.

И кто разберет, чья рука направляет убийц?

Пятнадцатого декабря, в два часа дня, когда вице-губернатор Тамбова Богданович выходил из градоначальства домой, слесарь вагонных мастерских Максим Лукич Катин и крестьянин Иван Сергеевич Кузнецов смертельно ранили его. Это был один из очередных актов, произведенных по решению Тамбовского комитета социалистов-революционеров «летучим отрядом» этой партии. Черт возьми, и губернатора может не миновать та же участь! Пока не поздно, надо спасать свою шкуру, тем более что уже пошли слухи о его хлебных спекуляциях. Не лучше ли перевестись в другой город? Ему с его связями это совсем не трудно сделать.

В Тамбов прибыл новый губернатор — Клавер. Он сразу же ввел в губернии военное положение.

Но и эта мера не дала желаемых результатов.

В Тамбове арестован забастовочный комитет железнодорожных рабочих, а уже на следующий день тысячи человек в Тамбове, Козлове, Борисоглебске, Моршанске снова выступают с требованием политических свобод. И, как бы поддерживая рабочих, крестьяне продолжают громить и сжигать поместья усадьбы.

Большевистских агитаторов в те горячие дни можно было видеть на собраниях ткачей, в железнодорожных мастерских, на крестьянских сходках. Кропотливо и настойчиво они разъясняли, что единственно правильный путь — это путь, предлагаемый социал-демократической рабочей партией большевиков. Они призывали рабочих, крестьян бороться за удовлетворение своих экономических и политических требований, бастовать против произвола властей, не бояться возможных неудач на первых порах, копить силы. Когда в конце 1905 года в ответ на подавление Московского декабряского вооруженного восстания вспыхнула забастовка тамбовских и козловских железнодорожников, большевики были первыми, кто поддержал рабочих. И с каждым днем все больше и больше людей шло за большевиками.

Уже не только в Тамбове, Козлове, Моршанске, Елатыме, Борисоглебске, Рассказове, Грязях, но и в ряде сел губернии большевики имели свои группы и своих сторонников.

Революция, в России революция! Вадим Подбельский выступал на митингах и сходках, под различными предлогами выезжал в села и в уездные города. В селе Царевка, что в десяти верстах от Тамбова, он создал социал-демократический кружок и почти каждое воскресенье проводил в нем беседы.

Собирались на квартире старого сапожника Ивана Петровича Петрова. Хозяин радушно встречал гимназиста.

— Что ж, отец, надо бы вам в партию, — как-то сказал ему Вадим.

Старик хитро прищурил глаза, потянул цигарку.

— А разве я не с вами? — спросил он.

Против этого нельзя было возражать. Старый сапожник не только внимательно, с интересом слушал беседы. Он оказался и замечательным конспиратором. В его доме надежно хранилась небольшая библиотечка социал-демократической литературы.

— Так-то так, Иван Петрович, — говорил ему Вадим. — А все же, когда состоишь в партии, и сил больше прибавляется, я это и по себе чувствую...

— Придет время, и приду к вам и скажу — принимайте старика в партию, — ответил сапожник.

За Вадимом Подбельским началась слежка.

4

Между тем после разгрома Московского декабря- ского вооруженного восстания контрреволюция стала переходить в наступление. Еще продолжались рево- люционные выступления рабочих, солдат, моряков. Летом 1906 года с новой силой вспыхнуло крестьян- ское движение, но уже орудовали карательные от- ряды, заседали военно-полевые суды, свирепствовали банды черносотенцев. Тысячи людей были убиты, брошены в тюрьмы, отправлены в ссылку, на каторгу. Власти расправлялись с революционерами и сочувствующими им, мстя за тот страх, который не- давно пережили.

Репрессии начались и в Тамбове.

Вадим Подбельский был вынужден покинуть го- род. В августе 1906 года он эмигрировал во Фран- цию, запасшись рекомендательным письмом к сердоб- ской помещице Устиновой, жившей в Ментоне с больным сыном. Письмо помогло Подбельскому получить место репетитора.

Томительно медленно текли месяцы эмиграции. Вадима тянуло на родину, к живой революционной работе. В один из июльских дней 1907 года он остав- вил Ментону, даже хозяйке не сказав ни слова осво- ем отъезде. Он возвратился в Россию нелегально.

Осенью Вадим уже был в Тамбове.

Многое изменилось в городе за прошедший год. Как постарела мать!.. Лицо ее покрылось тонкой сеткой морщин, глаза воспалены, будто никогда не высыхают от слез. Нет Юрия... По приговору Сара- товской судебной палаты, он уже почти полгода то- мится в Борисоглебской тюрьме. Ему грозит высыл-

ка. Нет многих товарищей. Но кое-кого из старых друзей Вадиму все же удалось разыскать. Учитель Рассказовский посвятил его в положение дел в организации. Организация жива, она действует.

На собрании у железнодорожников Вадим познакомился с товарищем, прибывшим из Москвы. Все его звали Никодимом¹. Совсем недавно он был на Лондонском партийном съезде. В свои неполные тридцать лет Никодим уже имел за плечами более десяти лет активной революционной работы, не один год тяжелой ссылки в Сольвычегодске, аресты и эмиграции. В 1906 году в Петербурге он встретился с Лениным. В Тамбов Никодим приезжал не однажды. За короткое время он завоевал всеобщее уважение, особенно среди железнодорожников, где чаще всего бывал. Недаром козловские железнодорожники избрали его делегатом V (Лондонского) съезда партии.

С огромным интересом слушал Вадим Подбельский рассказы Никодима — Шлихтера о встречах с Лениным, о съезде партии.

Но Никодим — Шлихтер скоро уехал.

Вадим продолжал работу в организации. Много времени и сил он отдал созданию пропагандистских групп из молодежи.

В Тамбове Вадим жил нелегально. От зоркого ока полицейских властей не могло скрыться, что в дом Белоцветовых приехал гость. Этот дом всегда был на подозрении у полиции. Сейчас наблюдение за ним усилилось.

5

К дочери адвоката Кушенского — гимназистке последнего класса — часто приходили друзья. Вели они себя вполне достойно: танцевали, пели, музиковали, много о чем-то спорили.

¹ Никодим — партийная кличка выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, крупного ученого Александра Григорьевича Шлихтера.

Но то, что произошло вечером 14 октября 1907 года, крайне взволновало и озадачило адвоката. Молодежь уже собиралась разойтись и прощалась с хозяевами, когда в дом Кушенских нагрянула полиция. Всех гостей арестовали и повели в участок. Среди задержанных был и Вадим Подбельский.

В полночь в квартиры арестованных ворвались полицейские. У Белоцветовых-Подбельских обыск продолжался довольно долго. В комнате Вадима нашли несколько брошюров, «Капитал» Маркса, письмо старого товарища по подполью Ксении Украинцевой из Самары, еще письмо, за подписью «Огарок-Сокол», какие-то разрозненные записи — не то конспект книги, не то конспект лекции.

Из гостей Тани Кушенской Вадим Подбельский был особенно хорошо известен полиции. По заключению начальника губернского жандармского управления он представлялся «опасным для общественно-го спокойствия... Все задержанные уже до крайности распропагандированы». Среди них не было ни одного впервые попавшего на сходку, а в доме Кушенских регулярно проходили сходки. Все арестованные собирались и ранее и, по мнению жандармского начальника, составляли «одну сплоченную шайку».

И хотя результаты обысков не давали еще основания к возбуждению формального дела, встревоженные полицейские власти решили сделать все, чтобы избавить Тамбов от беспокойных людей.

Решением тамбовского губернатора большинство участников сходки было выслано в Саратов.

6

Вадиму не стоило большого труда найти в Саратове тамбовскую подпольщицу Ксению Украинцеву, высланную туда в начале года. Через нее Вадим связался с большевистским подпольем. Первое задание, которое он получил, — агитация среди мельничных рабочих.

Уже через два-три месяца Подбельский стал своим человеком среди мукомолов города. Ему удалось

организовать профсоюз мельничных рабочих, объединивший тысячу рабочих тринадцати мельниц города. А немногим спустя его избрали секретарем социал-демократической группы мельничных рабочих.

Конечно, и в Саратове полицейские власти не оставили Подбельского в покое. Он ясно чувствовал, что и тут ему не дадут долго гулять на свободе. К тому же еще дядя Николай Павлович, у которого он остановился, высказывал недовольство: за его домом стали усиленно следить, а у него семья, дети, и незачем ему портить репутацию.

Подбельский вынужден был из Саратова уехать. И уже 30 мая 1908 года он был снова арестован в Тамбове.

Несколько месяцев продолжалось дознание и велась переписка тамбовских властей с министром внутренних дел. В середине октября Подбельскому было объявлено решение: его высылают на три года в Вологодскую губернию.

7

Московская Центральная пересыльная тюрьма была забита арестантами до отказа. Распутица на неустроенных российских дорогах задерживала отправку ссыльных по дальнейшему этапу. Между тем каждый день прибывали все новые и новые партии. Тюремная администрация сбилась с ног. Куда всех разместить? Как быть с «политическими», если по положению они должны содержаться в отдельных помещениях, а таких помещений не хватает? Обитатели ряда камер уже объявили голодовку в знак протеста против неправильного отношения к «политическим». От неимоверной скученности в тюрьме начались болезни.

Не миновала болезнь и Вадима Подбельского. Тюремный врач не сразу распознал заболевание. Вначале он определил малярию, но спустя неделю, когда уже начался кризис, врач, наконец, признал возвратный тиф.

Вадима Подбельского поместили в неуютной тю-

ремной больнице. Здесь ему пришлось проваляться почти два месяца. И потом еще долго болезнь напоминала о себе.

...Пока Вадим болел, уже не один этап был отправлен в ссылку. Подходил и его черед. Мать сообщила, что обратилась к министру с просьбой не отправлять Вадима далеко, но ответа никакого еще нет. Узнал Подбельский и о том, что его тамбовская приятельница, товарищ по подполью Ксения Украинцева, выдавая себя за невесту ссыльного, тоже просила не отправлять его в глушь, мотивируя эту просьбу плохим состоянием здоровья Вадима. Но власти остались глухи к просьбам «невесты» и матери.

8

Гибкие, суровые места избрало царское правительство для ссылки политических «преступников»: край вечной мерзлоты — Якутию, суровую архангельскую тундру, дикие, нехоженые места Вологодчины.

Из года в год росло число ссыльных и заключенных в Вологодской губернии. Только в 1908 году в десять тюрем Кадникова, Яренска, Усть-Сысольска и самой Вологды поступило более восемнадцати тысяч заключенных. За этот год на содержание тюрем было потрачено более ста тринадцати тысяч рублей, а на содержание школ, в которых обучалось двадцать семь тысяч детей, — только около восьмидесяти семи тысяч. Нет школ, нет больниц, зато много церквей. Без них официальным властям никак не обойтись. Даже в самом захолустном уездном городке, Яренске, на полторы тысячи жителей — пять церквей, монастырь, но ни одной школы и всего лишь одна заброшенная больница на сорок коек.

Все ссыльные, направляемые в Вологодскую губернию, прежде всего должны были пройти «карантин» в тюрьме. В это время губернатор знакомился с «делом» каждого и по своему усмотрению опреде-

лял, кого куда направить. В самом губернском городе почти никого не оставляли.

Вадиму Николаевичу Подбельскому местом ссылки губернатор назначил Кадникова — небольшой городок на реке Содиме, в сорока двух верстах от Вологды. Подбельский прибыл туда этапом 29 января 1909 года.

Не прошло и двух недель, как исправнику доложили, что новичок подолгу беседует с другими ссыльными и местными жителями, передает им какие-то книги, а на замечания отвечает дерзко.

Последовало распоряжение обыскать виновного. В вещах Подбельского не пришлось особенно долго рыться. Нескольких запрещенных в России произведений Л. Н. Толстого, изданных швейцарским отделом «Свободного слова», и брошюру издательства революционно-социалистической группы «Свобода» было достаточно, чтобы обвинить Вадима Подбельского в хранении нелегальной литературы и заключить в местную тюрьму.

«Направьте ссыльного Подбельского в Яренск», — телеграфировал вологодский губернатор в ответ на запрос кадниковского исправника.

7 мая 1909 года Вадима Николаевича Подбельского отправили этапом в Яренск.

9

Весна в эти края приходит поздно — только в мае начинает по-настоящему пригревать солнце. Дороги тогда превращаются в сплошное грязное мессиво. Пока пройдешь десяток верст, отобьешь и изранишь ноги, весь до ворота будешь в грязи. Не удивительно, что не только ссыльный, но и конвой не особенно торопится.

Больше двух недель тянется двухсотпятидесятиверстный путь от Кадникова до Яренска. Вот, наконец, Яренск. Городок затерялся среди густых хвойных лесов. На первый взгляд он кажется почти вымершим. Но это лишь первое впечатление.

Яренск населен плотно. Здесь большая колония ссыльных. Почти нет дома, где бы не квартировал ссыльный.

В колонии собирались люди различных политических убеждений — большевики, меньшевики, эсеры, бундовцы; люди разных возрастов — от зеленых юнцов до убеленных сединами старииков; люди разных профессий.

Вадим Николаевич Подбельский сумел быстро освоиться с обстановкой, сдружиться с ссыльными. Человек он был общительный, легко сходился с людьми, сразу располагал их к себе. Немалую, должно быть, роль в этом сыграло то обстоятельство, что он рос среди ссыльных. Они были его первыми друзьями и воспитателями.

Подбельский особенно подружился с Иваном Фиолетовым, большевиком-подпольщиком, человеком, непримиримым к врагам партии. В эти края Иван Тимофеевич Фиолетов попал в начале сентября 1908 года. До этого он содержался в Бакинской тюрьме, затем больше трех месяцев провел в Сольвычегодске, пока не добился перевода в Яренск, куда была сослана его жена Ольга Ивановна Баникова.

Поначалу большевики составляли небольшую часть Яренской колонии. И это сказывалось на настроении, на образе жизни ее членов. Люди жили замкнуто, почти никогда не собирались.

Приезд в Яренск большевиков — Ивана Фиолетова, Петра Смидовича, Вадима Подбельского, Сусанны — Х. Л. Гольдиной, несколько позже — Александра Воронского резко изменил течение жизни Яренской колонии. Энергичные, деятельные люди, убежденные революционеры-ленинцы, они заставили многих товарищей встрепенуться от спячки, взяться за дело.

Жилось политическим ссыльным трудно: работать по найму им категорически запрещалось, а прожить на восемь и даже одиннадцать рублей без помощи от родных и друзей было сложно.

И вот большевики решили заняться устройством бытовых, житейских дел колонии.

В последних числах мая в лесу состоялась сходка. После долгих споров и обсуждений решили объединиться в коммуны по шесть-десять человек. В такой коммуне питание для каждого обходится дешевле, да и проще решить ряд других вопросов устройства быта. Секретарем колонии на той же сходке избрали Вадима Николаевича Подбельского.

10

Яренск не мог вместить всех ссыльных. Часть из них расселяли в близлежащих деревнях. В деревне Паладино вместе с семьей Серебряковых сначала поселился и Вадим Подбельский. Оказалось, что Вадим и Анна Николаевна Серебрякова встречались еще в 1905 году. Гимназист Подбельский по заданию тамбовской организации приезжал тогда к одной сельской учительнице, чтобы установить связь с ее братом, бежавшим из ссылки. Он зашел в класс и разговорился с учениками. Среди них была и Аня.

Вадим охотно помогал Анне Николаевне по хозяйству: носил воду, колол дрова. Делал он все это быстро и весело.

По деревне разносился его звонкий голос:

В Паладине рыбы много,
Ее некому ловить.
В Паладине ссыльных много,
А их некому любить...

Подбельский никогда не унывал, всегда был бодр, жизнерадостен, весел, хотя ему приходилось довольно туго: даже в лютый мороз он ходил в истоптаных сапогах и старом, поношенном пальто.

В ответ на сочувственные слова и взгляды Вадим только отшучивался:

— Мое пальто обладает особыми свойствами. В мороз оно заменяет шубу, а в дождь — плащ.

Свободного времени здесь было достаточно. Ва-

дим Подбельский не тратил даром ни минуты. Он читал запоем, доставая книги, где только мог. Он поспешил наладить связь со старыми тамбовскими друзьями и стал получать от них партийные газеты, журналы, книги. Конечно, пересылка такой литературы была сопряжена с большими трудностями, с риском для обеих сторон, и все-таки товарищи шли на это.

Центром общения ссыльных была почта. Небольшой и неуютный дом, где находилась почта, по пятницам — в Яренск корреспонденция приходила в этот день — с трудом вмещал посетителей. Все стремились побывать на почте: узнать новости «своли», повидать нужных людей, просто поговорить. На почте обычно знакомились с новичками.

Яренскую почту особенно хорошо запомнил Вадим Подбельский, так как именно здесь он впервые встретил Анну Андреевну Ланину, ставшую впоследствии его женой. Анна Ланина была сослана на два года за участие в работе воронежской организации РСДРП.

Подбельский не мог сидеть без дела. Его часто видели в соседних деревнях, в Яренске. Он приносил книги, проводил собрания ссыльных, устраивал вновь прибывших. За один год Яренская колония увеличилась почти на триста человек. В подавляющем большинстве это были «политические».

Естественно, они не могли и в колонии жить без «политики». Регулярно созывались сходки, тайные собрания — зимой у кого-либо в доме под видом вечеринки, летом пикники в лесу. Какие яростные споры возникали там между идеяными противниками, как горячо обсуждались партийные дела, новинки литературы, которые удавалось получить «своли»!

Российская социал-демократическая рабочая партия переживала тяжелые времена. Сотни ее членов погибли, тысячи томились в тюрьмах. Часть из тех, кто избежал этой участи, вынуждены были эмигрировать. А кое-кто ушел из партии, испугавшись репрессий. В черные годы реакции значительно сокра-

тились ряды партии. Все глубже становилась пропасть между большевиками и меньшевиками. Последние считали возможным ликвидировать нелегальную партию, а по существу это значило отказаться от революционной борьбы, сложить оружие.

Среди большевиков же нашлись такие, что требовали уйти из думы, из кооперации, из всех легальных организаций и сосредоточить всю работу только в партии. «Ликвидаторами наизнанку» назвал их Ленин. Они, по сути дела, тоже стремились ликвидировать партию, оторвав ее от трудящихся масс, ибо сила партии в ее связи с массами.

Постоянными участниками всех споров, всех дискуссий были Вадим Подбельский и Александр Воронский. Товарищей поражали их глубокие, разносторонние знания. Подбельского в шутку называли «ходячей энциклопедией».

Вадим Николаевич вел яростные бои с меньшевиками, с ликвидаторами, с отзовистами, со всеми, кто выступал против единственно правильной ленинской линии. Пришлось выдержать не один бой и со сторонниками Троцкого, с теми, кто проповедовал теорию центризма, кто считал возможным объединить в одной партии революционеров и оппортунистов.

Александр Воронский прослыл философом и оратором. Он, как и Подбельский, большую часть времени отдавал чтению, ежедневно что-то подолгу писал. На сходках он был постоянным информатором о новинках социалистической литературы и эти сообщения делал с замечательным мастерством. Он образно и живо пересказывал содержание книг и критически их оценивал, всегда высказывая при этом свое, оригинальное мнение. И еще одно увлечение было у Александра Воронского: он страстно любил астрономию.

— Ах, какая чудесная это, черт возьми, штука, астрономия! Ничто так не возбуждает фантазии, не расширяет умственных границ, не приближает к космосу! — говорил он.

На одной из сходок речь зашла о последней статье П. Орловского¹ «Базаров и Санин»².

— Несколько лет тому назад, когда я читал арцыбашевский роман «Санин», я не придавал особого значения этому пошлому, я бы сказал, произведению. А вот прочитав Орловского, я как-то все по-иному начал ощущать... — так начал Александр Воронский. — И в ссылке встречаются типы, в той или иной мере напоминающие Санина. Реакция у многих отняла веру в будущее. Одни решили совершенно отойти от борьбы, другие же предаются пьянству и разврату.

— Подобные арцыбашевы сейчас только калечат нашу молодежь, — как бы продолжил его мысль Вадим Подбельский. — И вот в этот момент, когда действительно отовсюду выплывает всякая мерзость, нам, большевикам, предлагают ликвидировать партию, ждать милостей от власти имущих. Наоборот, нам сейчас, как никогда, нужно иметь сильную и единую партию! Мне удалось недавно получить вышедшие в Париже номера нашей газеты «Пролетарий». Ленин громит в них социалистов-революционеров и ликвидаторов...

— Партия разваливается, — бросил реплику самый ярый защитник ликвидаторов Борис Фромметт. — Сейчас нужно перейти к открытым политическим актам.

— К каким? — спросил кто-то.

— Что вы спрашиваете, к каким? — вставил Вадим Николаевич. — У нас уже есть опыт таких петиций. А Девятое января забыли! Нет, товарищи дорогие!.. Сколачивать партию, закалить ее в подпольных условиях, поднимать за собой массы — вот что нам нужно!..

¹ П. Орловский — псевдоним В. В. Воровского, партийного деятеля и литератора.

² Санин — герой одноименного романа М. П. Арцыбашева, вышедшего в 1907 году. В «Санине» наиболее ярко воплотились характерные для реакционной литературы эпохи «безвременья» циничный нигилизм, проповедь аморализма, сексуальной распущенности, полное отвращение к общественным идеалам.

Подбельского влекли самые опасные предприятия. Он неоднократно участвовал в организации побегов.

— Это у меня наследственное, — шутил Вадим. — Моя матушка дважды устраивала побеги — из Харьковской тюрьмы, из Киевской. Только за все это она отхватила четырнадцать с половиной лет каторжных работ...

Пожалуй, только Иван Фиолетов да Петр Смидович знали, как Вадим помог бежать большевику Семену Семкову. Ночью в непогоду он переправил товарища к одному из речных причалов, где Семкова ждал пароход, с капитаном которого Вадим заранее обо всем условился.

Подготовил Подбельский и побег Сусанны. Ее, как и Семкова, отправили на пароходе.

11

Исправник не мог не обратить внимания на слишком беспокойного ссыльного. Но когда Подбельскому указывали на частые отлучки из Паладина, он всегда находил причины и отговорки: то надо врача позвать к больному, то рыбы купить, то о дровах договориться.

По распоряжению вологодского жандармского управления 30 января 1910 года полицейские заявились с обыском на квартиры ссыльных. Подбельский в это время жил вместе с эсером Владиславом Каменским. Он вынужден был покинуть Серебряковых: у них родился сын, и посторонний человек стеснял их.

У Вадима Николаевича за годы ссылки это уже был третий обыск. Но еще никогда полицейский надзиратель так не усердствовал, как в этот раз. Он нашел литературу, недавно полученную из-за границы, а главное — несколько экземпляров гектографического журнала Яренской колонии политических ссыльных и разрозненные листы черновиков ряда статей. Недостаточно грамотный, но усердный надзиратель долго копался в этих бумагах и хотел было

оставить их на месте, как вдруг прочитал: «...они успели уже забыть, как этот царь-изменник надругался над своим народом...» Еще и еще раз перечитывал надзиратель эту злополучную фразу. Потом протянул листок Вадиму Николаевичу:

— Ваши упражнения?

Отпираться было бесполезно. На одном из листов стояла подпись «В. Торин». Так же были подписаны и некоторые статьи в журнале, в которых разоблачались действия местных властей. «В. Торин» подписал и объявление о провокаторстве ссыльного Самуила Коневского, расклеенное накануне почти на всех домах Яренска и соседних деревень.

Материалов было достаточно, чтобы возбудить против Подбельского дознание. Вадима арестовали и направили в вологодскую полицию. Его допрашивали почти каждый день в течение двух месяцев. На все вопросы следователя он отвечал одной фразой:

— Не старайтесь, господин ротмистр. Я вам ничего говорить не буду...

Дело Подбельского было передано на «благоусмотрение его превосходительства господина вологодского губернатора», и два месяца Вадим Николаевич просидел в камере полицейского участка. Надо сказать, Подбельскому не повезло: еще недавно арестованных держали в полицейском управлении лишь по несколько дней, пока идут первые дознания, а потом отправляли в тюрьму, где условия были более сносные, чем в участке. Но после того как в ряде тюрем вспыхнули бунты, жандармские власти перепугались. Наиболее опасных, с их точки зрения, преступников они теперь задерживали в участке.

3 марта 1910 года по решению губернатора Подбельский был осужден на три месяца заключения в участке.

Эти месяцы оказались в жизни Подбельского едва ли не самыми тяжелыми. В участке заключенные содержались в чрезвычайно плохих условиях.

Спать приходилось на голой скамье, прикрываясь пальто. Одежда, и без того обветшавшая, пришла в полную негодность. В Яренск Подбельский вернулся буквально в лохмотьях. Хорошо еще, что помогли товарищи — поделились кое-чем из вещей. На просьбу выдать полагавшееся ссыльным зимнее одежное пособие уездный исправник ответил отказом, мотивируя отказ этот тем, что деньги списали, так как Подбельский находился в заключении.

А через некоторое время у Подбельского был снова обыск, и снова у него нашли десятки запрещенных книг и брошюр и среди них: «Как крестьянам добиваться земли», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Ипполит Мышкин и Архангельский кружок», «О материалистическом понимании истории», «Рабочий вопрос и земельная реформа», «Земля и капитализм», много книг Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина, Н. Бельтова (Плеханова), Н. Ильина (Ленина). А сколько было найдено рукописей! И здесь что ни страница, то «крамола». Одна статья начиналась словами: «Сейчас повсюду в России царит террор».

В конце февраля 1911 года яренскому исправнику представилась, наконец, возможность избавиться от наиболее деятельных ссыльных колонии. Вице-губернатор Вологды признал необходимым расселить их в самые отдаленные места губернии. Местом для дальнейшего отбывания срока ссылки Вадиму Николаевичу Подбельскому назначили село Усть-Кулом. Сюда же отправили и Анну Андреевну Ланину.

Вскоре после переселения Подбельского до начальства стали доходить слухи, что и на новом месте он уже начал «мутить». Удивительный человек этот Подбельский: и в участке он сидел, и в свидании с родными ему отказали, и сдавать экстерном экзамены за весь гимназический курс не разрешили, а он все не унимается! Пристав получил распоряжение жандармского управления произвести у ссыльного обыск.

Нагрянули так неожиданно, что трудно было что-либо спрятать понадежнее. Брошюры и книги лежали всюду: на столе, на стуле, под подушкой, в плетеной вещевой корзине. Привыкшие к подобным обыскам хозяева квартиры и понятой из местных крестьян безучастно стояли в стороне, в то время как полицейский урядник и стражники швыряли вещи, белье, бумаги. Обнаружив брошюры, книги, журналы, исписанные листки бумаги, аккуратно складывали их на край небольшого стола.

Обыск не принес желаемых результатов. Найденная у Подбельского литература еще не давала повода для немедленного ареста.

Через восемь дней последовал новый обыск. Снова в комнате уже через полчаса все оказалось перевернуто вверх дном. Снова росла на столе кипа книг, брошюр и рукописей, извлеченных пронырливым урядником из различных тайников: из-под обшивки мебели, из-за хозяйствской иконы и даже из самоварной трубы.

13

В середине октября 1911 года Вадима Николаевича Подбельского вызвал к себе усть-сысольский уездный исправник.

— Срок вашей ссылки заканчивается. Куда выписать вам проходное свидетельство?

— Туда, откуда я сюда прибыл, — в Тамбов.

Прошло ровно три года с тех пор, как Подбельский прибыл в эти края. Много пришлось ему испытать лишений: тут и отсидка в полицейских участках, и этапные пути по расхлябаннм, грязным дорогам, и нехватка одежды, а порой и еды. И все же эти годы не надломили его ни морально, ни физически. Приспособливаясь к этим суровым условиям жизни, он физически окреп, возмужал. Здесь он столкнулся со множеством людей, характеров, взглядов, научился распознавать потенциальных и открытых врагов марксизма. Здесь были прочитаны сотни книг: Маркс, Ленин, Плеханов, Толстой, Щедрин,

Герцен, Чернышевский... Здесь он приобрел настоящих друзей. Здесь нашел Анну...

Возвращаясь домой с проходным свидетельством, Вадим Николаевич вспомнил такой же день в прошлом 1910 году, когда колония прощалась с Яковом Зевиным. Где он сейчас? За полтора года колония хорошо узнала Зевина. Горячий и энергичный, он активно участвовал в диспутах. Его взгляды, правда, были меньшевистского толка, и за это ему здорово доставалось от большевиков.

— Эх, Яша, — говорил не раз Вадим Подбельский, — повернуть бы немного твои мозги, чтобы они правильно мыслили!.. Какой неоценимый клад был бы для большевиков!..

— Пока еще не убедили. Когда дойдет до ума и сердца, тогда будете меня считать своим, — отвечал на это Яков Зевин.

Прощание с товарищем, у которого закончился срок ссылки, — большое радостное событие для всей колонии. Но вместе с тем это и немного грустное событие: уезжает друг, с которым ты делил печали и радости в тяжелые годы.

Труднее всех было Анне Андреевне Ланиной. Ей оставалось еще несколько месяцев до окончания срока. Но она ни за что не хотела, чтобы муж ждал ее.

— Ты поедешь, устроишься с работой, жильем, и я приеду, — твердо решила она.

20 октября 1911 года колония проводила Вадима Николаевича Подбельского.